ЗОРГЕ БЕЗ МИФОВ

Рихард Зорге (1895—1944)

Парадоксально, но гражданин Германии, немецкий коммунист Рихард Зорге, получивший затем советский паспорт и ставший резидентом военной разведки СССР в Токио, появился на свет в окрестностях Баку.

«Я родился на Южном Кавказе, меня привезли в Берлин совсем маленьким. Этот факт из моей жизни я всегда помнил. Я, возможно, слишком русский, я — русский до мозга костей», — признавался Зорге. И первые слова, им произнесенные, были русскими. Лишь в Берлине в возрасте четырех лет мальчик заговорил по-немецки.

Недавно еще раз полюбовался памятником Зорге, установленным в начале 1980-х в столице советского тогда Азербайджана. Монументальная работа знаменитого скульптора Владимира Цигаля, сделанная в соавторстве с бакинскими зодчими, — одна из достопримечательностей города и уж точно украшает парк, где степенно прогуливаются жители.

Что не украшает, так это комментарий гида на английском языке, постоянно называвшего казненного 7 ноября 1944 года в Токио Зорге советским шпионом. Даже немцы, в основном и ехавшие в огромном экскурсионном автобусе, озадачились таким жестким ярлыком. Потом подходили ко мне, говорили на нормальном,

как говорят теперь многие немцы, английском, что и в их понимании Зорге не шпион (*spy*), а разведчик (*intelligence man*).

Впрочем, как объяснил мне гид, есть два варианта одной и той же экскурсии по Баку. Одна — на английском, к нам, россиянам, безжалостная. Вторая — на русском, более мягкая по отношению к гостям из веками близкой Азербайджану страны. Надеюсь, хоть в «более мягкой» легендарного земляка Рихарда Зорге именуют разведчиком.

Кстати, о том, кого считать разведчиком, а кого шпионом, я долго говорил с ушедшим ныне Героем России, полковником, атомным разведчиком, историком, теоретиком и аналитиком научно-технической разведки Владимиром Барковским. Владимир Борисович, которого еще до ухода называли легендой советской разведки, высказывался на сей счет весьма категорично: «Человек, который приносит пользу твоей Родине, всегда разведчик. Наносящий ей ущерб — шпион». Уверен, что братскому Азербайджану Рихард Зорге ущерба никогда не наносил.

Но как же Рихард Зорге попал в Баку? История проста и документально подтверждена. Его отец, немецкий инженер Герман (наберитесь терпения) Адольф Рихард Курт Зорге, работал здесь в селении Сабунчи с 1885 года обычным техником на нефтяных промыслах у того самого шведского промышленника Альфреда Нобеля, придумавшего знаменитую ныне премию. Потом, поднакопив деньжат, сделался владельцем чугунолитейного и механического завода. Но летом 1892 года добралась до Сабунчи эпидемия холеры, и жена немца умерла. И он, вдовец с несколькими детьми, женился на молодой прислуге — двадцатидвухлетней сироте, дочери рабочего-железнодорожника Нине Кобелевой.

Брак, как ни странно, сложился удачно. Несмотря на разницу в возрасте, Нина искренне полюбила солидного немецкого инженера, с которым жили в счастье и достатке. 4 октября 1895 года в поселке Сабунчи Бакинского уезда Нина Кобелева Зорге родила сына, названного Рихардом.

Его отец совсем не интересовался политикой. Странно, ведь в жилах Германа Адольфа… текла и кровь Фридриха Зорге, одного из основателей и секретаря Первого интернационала, друга и помощника Карла Маркса, а также Фридриха Энгельса. Сын Рихард приходился Фридриху Зорге внучатым племянником. Соратник Маркса скончался и похоронен в Америке. Вышла его обширная переписка с основателями марксизма. Только вот отец Рихарда детям своим завещал держаться подальше от всяких революций и пахнущей кровью политики. В Баку семья вела существование сугубо мирное, ни с кем и ни в какие конфликты не ввязывалась.

Этот бакинский период продлился недолго. Через три года все многочисленные отпрыски Зорге во главе с отцом отправились в Берлин, где в западном пригороде на Манизер-штрассе и прошло детство Рихарда, или Ики, как его нежно называли вся родня и близкие знакомые. Так что еще раз: младенец никакого вреда бакинцам нанести был просто физически не в состоянии. Несколько детских лет в Азербайджане — единственная безмятежная пора в его суровой, щедрой на испытания жизни.

Иногда вдруг всплывали какие-то бакинские подробности. То мой приятель, давно покинувший Азербайджан, рассказывал, будто его бабушка жила «ну, совсем рядом, прямо по соседству с семейством Зорге». И эта мудрая старая армянская женщина-бакинка каким-то образом поддерживала связи с уехавшими в Германию. И даже еще до Второй мировой войны якобы знала, кем стал росший на ее глазах до трех годков Рихард. Но вот это уж вряд ли. Если бакинская бабушка и поддерживала связи с родственниками Зорге, то вряд ли ей сообщали из столицы рейха о судьбе коммуниста Рихарда, сначала арестованного в Германии, а потом вдруг как в воду канувшего. Или выискивались в столице Азербайджана знатоки, утверждавшие, что некоторые другие сородичи Рихарда Зорге тоже работали на советскую разведку. Обучались «на нелегалов» в СССР, а еще конкретнее — в том же Баку. Никаких документальных подтверждений этому нет. По-моему, домыслы

о родственниках-чекистах родились потому, что в окружении будущего Героя было немало тех, кто впоследствии отдал уже в Германии дань увлечения (или, как Рихард, жизнь) марксизму. Так что все это — мифы, без которых не обойтись ни одной видной личности.

Но бакинские легенды, как и памятник в парке, мне, честно говоря, нравятся. Они делают разведчика ближе, роднее. Это же здорово, когда людям из разных точек бывшей огромной страны хочется верить: он и наш Герой тоже.

Хотя Рихард Зорге начинал в армии немецкой. В Первую мировую пошел на фронт добровольцем. Быстро понял, что к чему и кому нужны такие войны. После третьего тяжелого ранения врачам пришлось его оперировать. Левая нога стала короче, Зорге слегка прихрамывал, но ничуть этого не стеснялся. Своеобразная походка даже придавала ему определенный шарм.

Как тут не вспомнить еще одного Героя — только России, — атомного разведчика Александра Феклисова. В молодости, спасая людей, он отморозил ухо. Но настолько не обращал внимания на недуг, что и все его соратники, агенты, иностранные оппоненты невольно свыклись с этим, поняли, что глухой на одно ухо полковник прекрасно слышит мир. Вот и легкое прихрамывание Зорге вызывало у женщин некое восхищение — навстречу им идет рыцарь, герой.

Рыцарь — не рыцарь, но в Германии он участвовал в восстаниях и боях, которые, как надеялись и немецкие рабочие, и их российские вдохновители, закончатся такой же революцией, что произошла в 1917 году в России. Не получилось. Тюрьма, подполье, знакомство и работа с вождем немецкого пролетариата Эрнстом Тельманом. И здесь, подметив в Зорге нечто выделяющее его из толпы митингующих, Рихарду поручают ответственный пост: он отвечает за безопасность представителей высшего советского и партийного руководства, приезжающих в Германию в составе официальных делегаций. Охрана, обеспеченная компартией, ведется если и не совсем профессионально, то с большим старанием.

Тут к Зорге начинают приглядываться и советские чекисты. Такой приятный, старательный парень очень пригодился бы Коминтерну и в Москве. В ней Рихард обосновывается в 1924 году, получив советское гражданство и новые документы на имя некоего Зоннера.

В столице мирового социализма он пишет великолепные статьи, но почти все под своим настоящим именем — в коммунистической прессе, и работает в отделе информации Коминтерна. Странно, что коммуниста и публициста никак не прикрывали, мог бы печататься хотя бы под псевдонимом. Ведь из инфоотдела до разведки всего лишь пара шагов. Зорге делает их не по приказу. Он уверен, что, именно работая за кордоном, сможет принести наибольшую пользу мировой революции.

Откровенно говоря, мне так до конца и не понятно, как удалось Зорге с начала 1930-х годов избегать всяческих подозрений со стороны суровых фашистских спецслужб. Хорошо, действительно десяток лет работал вдали от Третьего рейха. Но как не попал в сети контрразведки, бдительно раскручивавшей жернова проверок, еще когда жил в Веймарской Германии? Ведь был и арест в 1920-м, и членство в Германской компартии. А множество брошюр и статей исключительно антифашистского, даже скорее сугубо коммунистического толка. Они издавались под настоящей фамилией журналиста и в Германии, и в Советском Союзе.

Допустим, Киму Филби и другим членам так называемой Кембриджской пятерки юношескую левизну простили благодаря благородному происхождению и родительским генам. Но как не попал в гестаповскую картотеку сверхподозрительный Зорге? Правда, можно вспомнить эпизод с намечавшимся назначением любимца немецкой колонии в Токио в партайгеноссе — вот до какой степени ему доверяли. Тогда московский Центр и сказал свое веское слово: опасно! Из Токио просто обязаны были запросить подтверждение о благонадежности кандидата на пост руководителя организации

НСДАП, объединявшей всех наци, живущих в Японии. И Зорге под благовидным предлогом отказался.

Нахожу этой неуязвимости лишь одно объяснение. Обаяние личности Рихарда Зорге было так велико, что в головах (и умных тоже) людей, с ним общавшихся, никакое подозрение закрасться никак не могло. Им хотелось верить в этого человека. И они верили.

А еще удача. Теперь бы сказали: Зорге был фартовым. И это тоже правда. Но даже фарт имеет обыкновение заканчиваться.

Шанхайские университеты

Да, советский разведчик Рихард Зорге прославился в основном фантастически успешной работой в Токио. Однако не следует забывать, что еще до длительного японского периода Зорге отработал несколько лет в Китае.

Легенда, как говорят профессионалы, приезда в Китай немецкого, а на самом деле уже советского гражданина Рихарда Зорге проста. Сравнительно молодой человек отправился в огромную страну для изучения банковского дела и написания статей для трех иностранных изданий.

Кто придумал эту легенду? Парадоксально, но не высокое начальство из Разведывательного управления Красной армии, а сам новичок. Да, в ту пору настоящим разведчиком Зорге было назвать трудно, хотя его уже официально приняли на работу в Разведупр. Короткие собеседования, прощупывание на тему того, где, на каком участке немец мог бы быть полезнее и эффективнее. Приступили к учебе, которой суждено было вскоре завершиться.

Выяснилось, что сейчас не до нее. Горячая ситуация создалась в Китае, кого-то надо было туда срочно отправлять. И послали Зорге. Решение случайное, но именно случайно оказавшееся как раз верным. Рихард потом признавался, что ему не по душе была чопорная, до боли знакомая Европа. Больше

притягивало новое, неизвестное, восточное, азиатское. Вот где могли пригодиться его работоспособность и темперамент. К тому же в Советском Союзе возлагали немалые надежды на Китай — там могла развернуться настоящая революция.

Китай стал его сознательным выбором. Потому он без колебаний принимает предложение руководителя Разведупра Берзина отправиться в Шанхай. И как можно скорее. Всего ничего прошло с момента принятия решения работать на советскую разведку, а уже 10 января 1930 года японское судно с Зорге на борту бросает якорь в шанхайском порту.

За два с половиной месяца до отъезда энергичный немец сумел обогатить собственную легенду убедительными деталями. Еще в давние времена во Франкфурте Рихард познакомился с главным редактором «Дойче Гертрайдэ Цайтунг». Газета имела скорее сельскохозяйственное направление, чем какое-то политическое. Зато выходила ежедневно. Ее руководитель сумел найти небольшие деньги на отправку в Китай собственного корреспондента. Но только на эти средства было не протянуть. И чтобы придать легенде еще большую правдивость и оправдать получаемые из московского Центра деньги на ведение разведывательной работы, Рихард быстро ухитрился заключить в том же Франкфурте договор с германо-китайским обществом на проведение научного исследования. Тема — «Происхождение и развитие банковского права в Китае».

Успел Зорге даже не съездить, а, извините, смотаться в США. Там он договорился регулярно посылать материалы для двух американских газет. И псевдоним (вовсе не оперативный) знавший английский и хорошо на этом языке писавший Рихард придумал соответствующий — Алекс Джонсон.

Он приехал в Китай под собственным именем и со своими подлинными документами немецкого гражданина. На его визитной карточке того периода, щедро раздаваемой и охотно из рук симпатичного немца принимаемой, выведено: «Доктор Рихард Зорге, почтовый ящик 1062, Шанхай».